Робер Буайе

ДЕМОКРАТИЯ И СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ ПЕРЕД ЛИЦОМ СОВРЕМЕННОГО КАПИТАЛИЗМА: «РЕГУЛЯЦИОНИСТСКИЙ» ПОДХОД

ВВЕДЕНИЕ: КАКОВО ОТНОШЕНИЕ МЕЖДУ ЭКОНОМИКОЙ И ПОЛИТИКОЙ В СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВАХ?

После распада Советского Союза многие обозреватели и аналитики сошлись в общем прогнозе относительно будущего современных обществ: они должны осуществлять движение в сторону канонического социоэкономического режима, подразумевающего комплементарность между рыночной экономикой и распространением демократии (Фукуяма 2004). Предполагалось, что таким образом произойдет замена прежних плановых экономик, управлявшихся авторитарными политическими режимами. Оглядываясь назад, можно сказать, что эволюция последних двух десятилетий в целом не подтвердила этот прогноз. С одной стороны, переход от плана к рынку оказался куда более сложным, чем ожидалось. Оказалось, что некие формы государственного участия, вместо того, чтобы быть препятствием к воплощению логики рынка, необходимы для создания предварительных условий для запуска рыночных механизмов. С другой стороны, демократия уже не кажется автоматическим результатом коллапса авторитарного режима. Очевидно, что политические трансформации, например, в Ираке, происходили по совершенно другой траектории, нежели в Европе и Японии после Второй мировой войны (социальный мир, наделение граждан широкими правами, демократизация). Организация всеобщих выборов вовсе не открывает с железной необходимостью путь для демократизации. Равным образом современное эффективное и легитимное государство не может быть импортировано, так как оно должно быть создано в результате внутренних процессов взаимодействия и переговоров социоэкономических групп (Фукуяма, 2007).

Таким образом, большинство социальных наук стоит перед необходимостью создания инструментов и теорий, требующихся для понимания этих достаточно сложных процессов. В этом отношении так называемая Французская школа регулирования полагает своей целью именно прояснение тех структурных изменений, которые возымели место после заката послевоенного Золотого века. В задачу настоящей статьи входит представление некоторых результатов, достигнутых школой в указанном направлении, а также распространение «Теории регуляции» на политическую экономию различных сочетаний демократии и капитализма. Статья начинается с аргументации, что капитализм возник в результате борьбы купцов, промышленников и финансистов за независимость от прямого контроля со стороны политических сил, но в ходе развития рыночных отношений потребовал новой роли государства в области денег и кредита, налогообложения и государственных расходов и даже внешней торговли (I). Для понимания возможного воздействия демократии на эволюцию капитализма важно попытаться сформулировать более или менее общее определение демократии, которое могло бы включить в себя все ее исторические формы (II). Таким образом, политическая организация должна быть совместима (если не комплементарна) с некоей конфигурацией капитализма; однако исторический и сравнительный анализы показывают, что какого-то одного наилучшего варианта сочетания государства и конфигураций капитализма не существует (III). Какова роль идей в соответствующем процессе? Многие социологи имеют тенденцию преувеличивать влияние либерализма на устройство современных обществ. Напротив, «Теория регуляции» подчеркивает роль не столько теоретиков и интеллектуалов, сколько коллективных субъектов, защищающих свои интересы. Следовательно, связь на уровнях политики и экономики между либерализмом и актуальной траекторией демократии и капитализма куда более сложна, чем в типичных идеологических интерпретациях современных обществ (IV). Тем не менее некоторые регуляционистские исследования ведут к гипотезе о связи между экономической и социальной демократией, с одной стороны, и показателями экономики — с другой: введение различных социоэкономических групп в политический процесс, управляющий экономической политикой, может способствовать длительному сохранению режима роста (V). Оставшаяся часть статьи посвящена анализу факторов, определяющих будущее демократии, причем особый акцент делается на судьбу социал-демократических режимов. Как объяснить следующий парадокс: при том что демократия распространилась, наконец, в Восточной и Центральной Европе, а также в большинстве стран Латинской Америки, многие политологи указывают на пределы и риск для демократии в старых демократических странах (VI). В этом случае важно противопоставить опыт скандинавских стран и возможный упадок демократии через рассмотрение трех современных социальных конфигураций: либерального капитализма, социального либерализма и обновленной социальной демократии, возникшей в результате ее кризиса в 1980-х—1990-х (VII). Наконец, имеются неожиданные параллели между последними регуляционистскими исследованиями и находками некоторых социальных и политических историков, таких как Чарльз Тилли, в прогнозе о наличии таких сил, которые подталкивают к дальнейшей демократизации, и таких, которые способствуют ограничению граждан в их полномочиях. В рамках этого прогноза демократия представляется более жизнеспособной в социал-демократических обществах, нежели в обществах, трансформированных либеральным капитализмом (VIII). В кратком заключении суммированы основные положения и находки, а также содержится призыв к дальнейшим исследованиям.

I. НАКОПЛЕНИЕ БОГАТСТВА ПРОТИВ НАКОПЛЕНИЯ ВЛАСТИ: ДВЕ ПРОТИВОПОЛОЖНЫЕ ЛОГИКИ…

Поскольку демократия является формой организации в политической сфере, а капитализм обычно определяют как экономический строй, любой анализ их отношений нуждается в четком определении природы политики и экономики. В рамках политэкономического подхода возникает искушение более или менее холистическим определением. С одной стороны, в сфере политики действующие субъекты борются за то, чтобы захватить власть и осуществлять ее. С другой стороны, в сфере экономики действующие субъекты играют в игру обмена и производства, причем в капиталистической экономике она включает накопление богатства предприятиями и индивидами.

Но это концептуальное различие является результатом длительной структурной трансформации обществ и ее отражения в современных социальных науках.

- Исследования в области экономической истории, особенно в рамках Школы Анналов (Бродель, 1986–1992), постоянно показывали, что рынки возникли благодаря инновациям купцов, торговцев, банкиров и финансистов, действовавших с целью создания организаций и институтов, расширяющих обмен. В ходе сопутствующих процессов им пришлось бороться за все большую автономность от государей и волюнтаристских решений политических властей (Grief, 2006). В первом приближении демократические режимы суть результаты нескольких столетий политической борьбы, в то время как капиталистические экономики суть долговременные следствия действий внутренних сил, формирующих различные фазы накопления.
- Эта тенденция к автономизации проявляется в эволюции доктрин и теорий, направленных на анализ соответствующих процессов. Если изначально политэкономия отцов-основателей смешивала экономические и политические факторы, то затем прогресс в развитии капитализма привел к появлению новой дисциплины, раздираемой противоречиями (например, в отношении теории стоимости или теории кризиса), но объединенной общим видением специфики экономики. Прежде всего, это касается возникновения маржинализма и неоклассической интерпретации эконо-

мического равновесия. Триумф теории «рационального выбора» и ее экспорт в другие социальные науки, наблюдаемый в современных академических исследованиях, еще больше усилил этот интеллектуальный примат экономики и ее тенденцию к автономизации относительно прочих социальных наук.

Эта весьма общая схема может получить некоторую поддержку и со стороны некоторых других современных подходов. Как ответ на либерализацию и глобализацию можно наблюдать возрождение идей Карла Поланьи о внутренней тенденции логики рынка к отрыву от других социальных отношений. Или шире: отношение между суверенным государством и свободным рынком более чем парадоксально. Перед тем как рынок сможет освободиться от политического вмешательства, политическая власть должна быть отделена от остального общества и сконцентрирована в руках единственного действующего субъекта—государства—так, чтобы оно само впоследствии могло быть отделено от рынка. Здесь имеется двойное движение: и экономика и политика становятся специализированными институциональными сферами. В этом отношении многое может дать теория систем, прилагаемая ко все более и более различным сферам активности, имеющих тенденцию к взаимодействию через обмен информацией и ресурсами (Луман, 2007). Таким образом, этот беглый анализ дает первую гипотезу относительно современной эволюции. Не наблюдаем ли мы симметричную автономизацию: с одной стороны, большинство правительств и действующих субъектов полагают, что рынки являются саморегулирующимися; с другой стороны, политическая конкуренция все чаще рассматривается именно и только как политическая, в малой связи с экономической организацией?

Положение 1: Современная тенденция к автономизации политической игры, наблюдаемая в старых демократиях, может находиться в согласии с самой сущностью политики, т. е. с накоплением власти, в контексте приверженности (наивному) свободно-рыночному видению экономики.

...которые необходимо сделать совместимыми в рамках жизнеспособных социоэкономических конфигураций

Но такое видение является довольно-таки экстремистским и предполагает, что режим политических и экономических идей полностью формирует институциональные конфигурации обществ. Напротив, исторические данные свидетельствуют, что *де-факто*, даже если экономические и политические элементы различны, конфигурации, в которые они вовлечены, должны быть совместимыми или даже комплементарными в некоторых случаях. Как правило, политическая сфера нуждается в ресурсах, получаемых от экономической активности, и наоборот, экономические субъекты процветают только в том случае, если имеется некий институциональный или юридический порядок, управляющий их действиями и отношениями. Эта

тема является одной из главных разделительных линий в истории экономических учений: «Вопреки преувеличенным утверждениям ложной теории Адама Смита, рыночный капитализм не является стабильной саморегулирующейся системой. Точно так же, как он нуждается в постоянных политических усилиях, необходимых для его функционирования, он требует также и политических и регуляционных вмешательств для того, чтобы удержать эгоистический интерес от схода с рельс» (Foley, 2006: 224).

Действительно, исторические исследования подтверждают эту со-эволюцию политических организаций и экономических институтов. Исследования, вдохновленные «Теорией регулирования» выявляют последовательность серий таковых политических и экономических режимов (Théret, 1992; 1999). Они не обязательно являются жизнеспособными, поскольку соответствующие политические и экономические конфигурации могут оказаться несовместимыми: тогда они влекут структурные кризисы, стагнацию и непрерывные социальные конфликты. Жизнеспособные режимы являются непреднамеренными следствиями процессов проб и ошибок, направленных на приспособление друг к другу политического и экономического устройства. Эта схема позволяет понять как существование хорошо функционирующих политико-экономических режимов, так и структурные кризисы и периоды изменений в обществах.

Следовательно, современные конфигурации суть результаты длительного процесса постоянного приспособления и показывают значительную зависимость от ранее выбранного пути.

- В экономиках, являющихся на данный момент индустриальными, государственное вмешательство тесно связано с режимом накопления, хотя и не полностью детерминировано чисто экономическими механизмами. Оно постоянно применяется как реакция на кризис. Например, в рамках фордистского режима увеличение социальных пособий и введение прогрессивной шкалы налогообложения стали выражением весьма специфического компромисса между государством и гражданами. Демократические политические институты сыграли ключевую роль в реализации такового режима.
- Напротив, рантье-экономики демонстрируют весьма отличные политические и экономические режимы. Прежде всего, государство может процветать благодаря присвоению и перераспределению части ренты среди различных клиентел, отчего возникает склонность недооценивать демократическое согласие граждан платить налоги как компенсацию за форму контроля государственной политики. Во-вторых, рантье-режимы применяют весьма различные институциональные формы и модели регулирования, в рамках которых управление рентой пронизывает монетарный режим, налоговую систему и характер включенности в мировую экономику.

Таким образом, обширная таксономия экономических режимов, взятая из «Теории регуляции» демонстрирует неожиданное сходство с политиче-

ским и историческим подходами к факторам, которые формируют демократию и демократизацию (Тилли, 2007).

Положение 2: Поскольку при рантье-режиме государство может легко присвоить ренту, такие режимы являются менее благоприятными для демократии, чем классические капиталистические режимы, где правительство должно вступать в переговоры с гражданами ради получения легитимности и налогов.

Политические основы жизнеспособности экономики, основанной на личном интересе

Наиболее популярная парадигма в экономике восходит к сказке о «невидимой руке» рынка, к Адаму Смиту, который воображал, что эгоистического интереса и естественной склонности к обмену достаточно, чтобы запустить рыночную экономику, примиряющую индивидуальную автономию со связностью общества. Значительная часть академических исследований в области экономики является попыткой показать, что принципов рациональности и индивидуального расчета достаточно для того, чтобы обусловить возникновение практически всех институтов, формирующих рыночные экономики. Но кризисы, стагнация и открытые конфликты по поводу управления экономикой постоянно демонстрируют, что, напротив, коллективные действия абсолютно необходимы для функционирования даже самого простого рынка. Равным образом, исторические факты и социологический анализ свидетельствуют о том, что частные контракты, экономическая рациональность и рынки предполагают наличие института базовых юридических норм. Более того, с XIX в. обычной территорией экономической деятельности является национальное государство, что предполагает предварительное существование общества (Marglin, 2008, p. 191). Выраженный кратко, парадокс современных обществ очевиден: для своего процветания они требуют холистического базиса для типично индивидуалистического поведения.

Положение 3: Как только нация начинает рассматриваться как сообщество, а не как набор движимых личным интересом индивидов, политика и экономика оказываются структурно переплетенными.

Имеется достаточно много современных примеров такой встроенности рыночных отношений. Так, финансисты в частном порядке создали множество финансовых инноваций (таких как деривативы на энергоносители, креативная бухгалтерия, IPO интернет-компаний «новой экономики», секьюритизация и, наконец, высокорисковые ипотечные кредиты). Почти во всех случаях этим инновациям сопутствовал такой успех, что они запустили макроэкономический бум, который завершился активными спекуляциями и финансовым кризисом. С целью восстановления жизнеспособности соответствующих рынков, власти были вынуждены (вне зависимости

от их интервенционистской или свободно-рыночной идеологии) разработать новые правила игры — ради восстановления на длительный срок жизнеспособности рыночных отношений (примерами такого государственного вмешательства являются закон Сарбанеса-Оксли, спасение *Bear Stearns* и планируемая реформа ипотечного кредитования). Таким образом, сами финансовые рынки, которые, как предполагалось, были наиболее чистым выражением рациональности и рыночных механизмов, не могут функционировать без надзирающих институтов, а если таковые не в состоянии осуществлять свою работу, государству приходится вмешиваться непосредственно — для того чтобы вновь открыть бедствующие рынки.

Такое переплетение политики и экономики является довольно-таки общим для реально функционирующих экономик. В первой фазе, отвечая на требования граждан, политики выстраивают правительственные коалиции, чтобы сформулировать новые правила игры и сориентироваться в отношении стратегических решений. Это ведет ко второй фазе, когда соответствующие ограничения и стимулы постепенно проникают в поведение экономических субъектов. В демократических обществах граждане могут поддерживать или не поддерживать существующее правительство в соответствии с их идеологическими предпочтениями и воздействием предшествующей политики на их статус и благосостояние. Это обеспечивает новый переход от экономики к политике. Как правило, это один из механизмов, движущих современные демократические и капиталистические общества.

Положение 4: Взаимодействие между политикой и экономикой объясняет как эволюцию современных обществ, так и различие их социоэкономических режимов.

II. ДЕМОКРАТИЯ НЕ ЯВЛЯЕТСЯ НЕКИМ ЕДИНСТВЕННЫМ И СОВЕРШЕННЫМ ПОЛИТИЧЕСКИМ РЕЖИМОМ…

Какого-либо общепринятого определения демократии не существует именно потому, что она предполагает сложную систему процедур, организаций и институтов (Тилли, 2007). Некоторые авторы предлагали конституциональный подход к демократии, который фокусировался на законах, управляющих политической активностью. Другие исследователи концентрировались на сущностных следствиях демократии для условий жизни, ассоциирующихся с политическим режимом, в терминах благосостояния, индивидуальной свободы, безопасности, справедливости, социального равенства и т. д. Более узкий подход фокусируется на процедурном определении норм, которые могут квалифицировать режим как демократический: например, организация конкурентных выборов, объем электората, возможность референдумов, существование многопартийной политической системы и т. д. Наконец, четвертый подход — это процессуально ориентированный анализ демократии: указание минимального набора процессов, составляющих сердцевину демократии (эффективное участие, избирательное равен-

ство, понимание своих действий каждым членом сообщества, контролирование ими плана решения задач, вовлеченность всего взрослого населения).

Очевидно, что комбинирование всех этих подходов могло бы определить весьма значительное разнообразие оценок уровня демократии для одного и того же общества в данный исторический период. Давайте последуем за Чарльзом Тилли в его поисках сущностного определения демократии. Социологи должны «рассматривать соответствие действий государства выраженным требованиям его граждан: в насколько равной степени различные группы граждан ощущают, что их требования воплотились в поведении государства; до какой степени выражение требований само получает политическую поддержку государства; насколько процесс воплощения требований связывает обе стороны, т. е. граждан и государство» (Тилли, 2007: 13). Отсюда — упрощенное и общее определение:

«Режим можно признать демократическим в той степени, если политические отношения между государством и его гражданами характеризуются широкими, равноправными, защищенными и взаимообязывающими совещательными процедурами».

Это общее определение должно быть дополнено еще одним элементом, относящимся к способности государства навязывать свои политические решения. Принятая во внимание, эта переменная объясняет, почему некоторые демократические — с формальной точки зрения — режимы в реальности не способны навязать соответствующий порядок по причине слабости государства. Напротив, некоторые национальные государства могут быть сильными государствами, но обладать слабыми демократическими принципами. В идеале, наиболее релевантные демократии сочетают сильное государственное начало и полный спектр демократических процессов. Эта новая переменная введена в Схеме 2: демократические принципы соотносятся с воплощением требований граждан в политической сфере, тогда как способность государства к навязыванию своих политических решений измеряет эффективность их воздействия на социальные и экономические организации.

Таким образом, демократия касается качества и плотности взаимных отношений между политической ареной и гражданским обществом. Как тогда определить в этом же ключе социал-демократию? В основе своей она может быть понята как распространение демократических принципов на сферу экономики: равенство и обладание правом голоса в производстве, доступ к государству через социальное партнерство и, наконец, легитимация государственного вмешательства в экономику через его оправданность и эффективность.

В общем социал-демократический режим может определяться как:

Высокий уровень политических отношений между государством и гражданами, затрагивающий также социальное обеспечение, организацию предприятий и основные социальные вопросы.

Точнее, это означает, что:

- Система социального обеспечения является всеобщей и финансируется всеобщим налогообложением, а не добровольными взносами наемных работников.

- Демократический идеал распространяется на организацию предприятий, что фиксируется термином «индустриальная демократия».
- Переустройство существующих экономических и социальных институтов, а также создание новых включает совещательный и переговорный процессы между всеми релевантными коллективными субъектами (бизнес-ассоциациями, профсоюзами, ассоциациями граждан, общественными администрациями).

Конечно, социал-демократия является лишь одной из многих конфигураций, рассматриваемых в рамках исторического и сравнительного анализов и, судя по всему, характеризует в основном небольшие открытые экономики, обладающие сильным коммунитарным наследием, распространяющимся с местного на национальный уровень.

…и она является результатом процесса демократизации/де-демократизации

Прямым следствием сложности демократических режимов является то, что они не могут быть установлены по приказу, равно как и импортированы из одного государства в другое. Задача исторической науки заключается в понимании постоянных процессов реформирования политических институтов. Более того, превосходство любой демократической конфигурации не так просто осознать, а потому нет такой детерминирующей силы, которая ведет политическую систему ко все более и более полной демократизации. Если кто-либо возьмет на себя труд создать синтетический индекс демократизации, просто ради того, чтобы набросать общий ход долгой эволюции, то он будет удивлен последовательностью прогресса и регресса в отношении демократических принципов (Тилли, 2007: 52). Тем не менее, судя по всему, на протяжении столетий превалирует общая тенденция к усилению демократии и возможностей государства к воплощению демократических принципов.

Любая подобная эволюция специфична для каждой конкретной страны и, следовательно, наивное представление о демократии как об окончательном и бесповоротном движении, осуществляющемся по воле граждан, фальсифицируется многими историческими свидетельствами. Силы демократизации и противодействующие им факторы, обусловливающие обратный ход к авторитарным режимам, изменяются сообразно довольно сложным процессам. В основе своей то же утверждение приложимо и к рыночным механизмам: они никогда не развиваются линейно, поскольку внутренние тенденции, которые они запускают, склонны создавать препятствия к их же собственному распространению (Поланьи, 2002).

Положение 5: Демократизация — это длительный и неровный процесс, включающий периоды прогресса и регресса.

III. МНОГООБРАЗИЕ КАПИТАЛИЗМОВ С РАЗЛИЧНЫМИ ВИДАМИ РЕГУЛИРОВАНИЯ...

Капитализм — слово современное, но дать ему общее и простое определение является сложной задачей, и эта сложность подобна той, которая имела место при поиске значения и содержания термина «демократия». Одни авторы указывают, что капитализм в основе своей укоренен в частной собственности, другие предпочитают подчеркивать роль открытой конкуренции на рынке, третьи обращают внимание на его следствия в виде технических изменений и социального неравенства. Рискнем дать синтетическое определение:

Капитализм является социоэкономическим режимом, при котором распределение власти в производстве (и — далее — в обществе) тесно связано с позицией действующего субъекта относительно рыночных отношений, с одной стороны, и производственных отношений — с другой.

Одним из главных следствий данного определения является то, что власть более не ограничивается политической сферой, но также перетекает (во все большем объеме) в сферу экономики — благодаря концентрации прав собственности и неравным отношениям между работодателями и наемными рабочими. В силу симметрии, это значит, что некоторые из ее главных институциональных форм берут начало в политической сфере (трудовое законодательство, антимонопольные законы, организация финансовой системы, политической и экономической дипломатии, не говоря уже о самой сердцевине политики — отношении между государством и гражданами). Если, вопреки вульгарному марксизму, экономические отношения не полностью определяют политические отношения, то проблемы в выражении политической власти могут иметь очевидные последствия для функционирования экономики.

При допущении особенностей социальной, политической и экономической борьбы, типичных для каждого общества, многие разновидности капитализма возникли из торговых и затем промышленных революций и продолжают сосуществовать в современном мире, вопреки так называемой глобализации (а на самом деле — благодаря ей). Рассмотрим схожие результаты исследований множественности капитализмов (Amable & al., 1997; Chavance & al., 1999; Aoki, 2000; Hall and Soskice, 2001; Amable, 2003; Boyer, 2004b). По крайней мере, четыре разновидности капитализма происходят из контрастирующих институализаций типичных социальных отношений этого социоэкономического режима (Табл. 1), причем список может быть продолжен за счет включения бывших коммунистических стран в Центральной и Восточной Европе, Китая, Индии и Бразилии.

- Рыночный капитализм построен на доминировании рыночных механизмов практически во всех сферах общества. Но поскольку конкуренция на свободных рынках ведет к сговору, олигополии или монополии, то периодически государственные органы должны вмешиваться — для того чтобы вновь открыть рынки через навязывание честной конкуренции. Идеал рыночной конкуренции присутствует не только на рынках товаров, кредита и труда, но и в организации исследований, предоставления социального обеспечения и, конечно же, пенсионных фондов. Более того, некоторые аналитики подчеркивают симметрию между «голосом потребителя» и выбором граждан в ходе конкуренции на политическом рынке (не говоря уже о роли финансовой поддержки при избирательных кампаниях). В этой разновидности капитализма главной институциональной формой является конкуренция (пусть даже она с начала 1980-х и сместилась с производственного на финансовый рынок). Современные США, а также — в некоторой степени — Великобритания являются главными примерами такой конфигурации.
- Мезокорпоративистский капитализм является распространением традиционных общественных связей с семейного или местного уровня на уровень крупных бизнес-конгломератов. Этот фактор сплоченности объясняет природу трудовых контрактов, в которых кодифицируются длительные отношения работника с компанией, природу конкуренции между кейрецу и чеболями и даже отношения топ-менеджеров с государственными чиновниками. Демократический процесс представляется не рынком идей и политиков, но, напротив, сохранением длительных связей на местном и национальном уровнях. Сложная форма клиентелизма пронизывает все общество, в том числе это относится к избирательному процессу и принятию правительственных решений. В любом случае ключевыми игроками являются крупные корпорации, а рыночная конкуренция не представляет собой главную движущую силу. Япония и Южная Корея — типичные случаи мезокорпоративистского капитализма, являющиеся существенным отклонением от модели англосаксонского капитализма.
- Государственный капитализм является другой конфигурацией, в рамках которой государство выступает как посредник в организации и функционировании практически всех институциональных форм. Рынок труда строго регулируем государством (минимальная зарплата, ограничение длительности рабочего дня, законодательные ограничения при приеме на работу и при увольнении и т. д.). Вплоть до 1980-х финансовый рынок также жестко контролировался — посредством специальных законов и даже через национализацию коммерческих банков. В производственном секторе государство традиционно сохраняет сильное присутствие при помощи строгого регулирования и/или контроля конкуренции и через национализированные фирмы (даже в секторах, открытых для международной конкуренции). Само понимание демократии находится в определенной зависимости от всепроникающего присутствия государства: государственная администрация воспринимается как «наставник граждан» и «направление демократии». Любой социальный конфликт, экономическая неустойчивость или финансовая проблема перемещаются из зоны непосредственной ответственности субъектов в зону ответственности государства, которое воспринимается как страховщик последней инстанции. Главным примером

Таблица 1. Находки «Теории регулирования»: по меньшей мере четыре институциональных стиля

	Регулирование			
	Рыночное	Мезокорпоративистское	Государственное	Социал-демократическое
1.	**Общая логика и иерархические принципы**			
	Рыночная логика является организующим принципом практически всех институциональных форм	В основе экономической единицы, значительной по размерам и обладающей диверсифицированным производством, лежат принципы расширения и мобильности	Экономическая активность формируется за счет государственного вмешательства в сферы производства, спроса и институциональной кодификации	Принципы, в соответствии с которыми осуществляется управление большинством элементов общества и экономики, являются результатом переговорного процесса между социальными партнерами
2.	**Следствия институциональных форм**			
Отношения в области заработной платы	Широкая децентрализация переговорного процесса по заработной плате, индивидуализация оплаты и сегментация рынка труда	Переговоры по зарплате происходят на уровне больших предприятий, но повышение зарплат синхронизировано	Тенденция к стойкой институализации стандартов в области занятости, продолжительности рабочего дня, зарплат и социальной защиты	Традиционно коллективный переговорный процесс, ограниченный краткосрочной и среднесрочной конкурентоспособностью
Конкуренция	Законодательное ограничение концентрации, при котором одна олигополия преобразуется в другую	Относительно интенсивная на рынке товаров между крупными предприятиями, присутствующими на большом числе рынков	Умеренная, поскольку управляется государственным регулированием или профессиональными ассоциациями, сильная концентрация капитала	Небольшое число крупных предприятий, которые, однако, активно присутствуют на международных рынках и, соответственно, участвуют в конкуренции
Деньги и финансы	Независимость центробанка, логика финансового рынка, рост финансовых инноваций, контроль предприятий через финансы	Роль основных банков и кейрецу заключается в финансировании и размещении капитала; строгий контроль со стороны государства (министерство финансов, центробанк)	Кредит и денежная политика строго контролируется государством; традиционно слабая автономия центробанка, решающая роль министерства финансов	Преимущественно банковское финансирование при денежной политике, поддерживающей в первую очередь полную занятость и лишь затем конкурентоспособность
	Регулирование			
	Рыночное	Мезокорпоративистское	Государственное	Социал-демократическое
Государство	Разделено на сеть агентств и контролирующих организаций; строго ограничено конкуренцией на политическом рынке	Обеспечивает общественные службы и координацию, которые не могут обеспечить крупные предприятия; небольшой размер, но важная роль	Сильное количественное и качественное госвмешательство: национализированные предприятия, регулирование, государственные расходы, социальная защита и т. д.	Частое государственное вмешательство в форме финансовых трансферов и экстенсивное ограничительное регулирование
Международная интеграция	Приверженность принципам свободной торговли, большая или меньшая автономия сообразно статусу и размерам (различия между США и Британией)	Выбор в области торговли и финансов обусловлен императивом технологического и экономического развития	Традиционно строгий государственный контроль за внешними сношениями (тарифы, стандарты, квоты, ограничения финансовых потоков)	Принятия принципа конкурентоспособности через технологические и организационные инновации
3.	**Характеристики модели регулирования**			
	Широкое рыночное регулирование под контролем сложной системы законодательных механизмов	Согласование на мезоэкономическом уровне крупных предприятий; государство и рынок играют вторую роль	Государство является центром макроэкономического регулирования; предприятия и рынки адаптированы к правилам игры	В сердцевине институциональных форм трехсторонние переговоры (предприниматели-профсоюзы-государство)
4.	**Типичные примеры**			
	Американская экономика 80-х Британия после Тэтчер (в некоторых областях)	Америка эпохи Генри Форда Япония после 1945 г. и до 1991 г. Южная Корея до 1997 г.	Франция эпохи Золотого века Германия на уровне федеральных земель Возможно, девелопменталистские государства в Латинской Америке	Скандинавские страны (Швеция, Дания, Финляндия) после 1945 г.

такого капитализма является Франция, но Германия демонстрирует те же принципы на уровне федеральных земель.

- Социал-демократический капитализм является следствием непрерывных совещательного и переговорного процессов между коллективными действующими субъектами при организации и ре-организации институциональных форм. В этой модели голосование граждан (непосредственно на выборах или, опосредованно, через плотную организацию гражданского общества) замещают механизм отставки, типичный для рыночного капитализма. Вовлечение практически всех социальных субъектов обусловливает значительную стабильность политических компромиссов, т. е. ожиданий, управляющих экономическими решениями. Поскольку большинство таких обществ достаточно малы, представительная демократия легко дополняется различными формами прямой демократии. Вероятно, в этих странах имеется наименьший разрыв между гражданами и политиками. Наиболее характерными примерами этой конфигурации являются скандинавские страны.

Положение 6: Наиболее существенные институциональные формы капиталистической экономики (монетарный режим, включенность в мировую экономику, трудовые институты) происходят из политической сферы. Тем не менее их совместимость определяется в процессе проб и ошибок. В этом начало длительной эволюции и сохраняющееся многообразие капиталистических экономик.

...против веры в единственный лучший путь

При наличии указанного многообразия, можно задаться вопросом, какой из этих капитализмов дает наилучшие результаты. Действительно, общепринятая экономическая теория одержима темой экономической эффективности, оптимальностью по Парето, а управленческая литература, наводнившая сферу государственного управления, отчаянно ищет наилучшие варианты организации. Даже Евросоюз находится в поисках лучших практик в экономической и социальной политике посредством так называемого Открытого метода координации (ОМК). Но такой вопрос не обязательно является релевантным (Табл. 2).

- Невозможно составить в строго экономических терминах естественный синтетический индекс экономической эффективности (будь то индекс приближения к полной занятости, уровня жизненных стандартов, производительности труда или получаемой прибыли).
- Выбор индекса эффективности является функцией имплицитных или эксплицитных задач, ассоциирующихся с политической коалицией. Для девелопменталистского государства главной задачей могут быть показатели роста, а для социал-демократического капитализма — сохранение социальной справедливости. Финансовый капитализм измеряет свой успех ростом

Таблица 2. Сильные и слабые стороны различных моделей регулирования

	Регулирование			
	Рыночное	Мезокорпоративистское	Государственное	Социал-демократическое
Условия возможности данной модели	Достаточный уровень развития Сильная децентрализация исследовательской и экономической активности	Эффективная система общего образования Наличие крупных предприятий с диверсифицированным производством	Задачи: экономическое и технологическое догоняющее развитие Принятие и легитимация разнообразных форм государственного вмешательства	Принятие принципов открытости и конкурентоспособности Ценности: солидарность и социальная справедливость
Сильные стороны	Специализация в кодифицируемом знании Быстрый ответ на структурные изменения Способность к восприятию радикальных инноваций	Специализация в областях, где доминируют специализированные знания Кумулятивный характер воздействия опыта Преимущества для инкрементных инноваций	Специализация в областях, связанных с общественными нуждами (транспорт, здравоохранение, коммуникации) Предпочтение догоняющему развитию Большие долговременные программы, открытые для радикальных инноваций	Специализация в областях, связанных с природными ресурсами и соц-обеспечением Низкий уровень неравенства Ориентация на адаптацию новых техник в секторе высоких технологий
Слабые стороны	Недоинвестирование в общественный сектор Возможный рост неравенства Краткосрочность в принятии решений	Недоинвестирование в фундаментальные исследования Возможные задержки при реагировании на изменение экономических обстоятельств Относительно слабый контроль над инвестиционными решениями	Недоинвестирование в инновации, связанные с сектором потребительских товаров Медлительность в осуществлении государственных вмешательств	Высокое налогообложение, могущее оказать негативное влияние на инвестиции и сферу научных исследований и разработок Неадекватность финансовой системы
Источники дестабилизации	Снижение расходов и субсидий на образование и научные исследования Невозможность создания координации, необходимой для определенных областей промышленности	Парадигмальный сдвиг в производстве к сферам, связанным с наукой Дестабилизация через финансовое дерегулирование	Достижения в технологической сфере могут потребовать иных форм организации Ограничения экономической политики блокируют стимулирующую роль государства	Нахождение в стороне от международных трендов Дестабилизация через интернационализацию и финансовое дерегулирование

Источник: Amable, Barré, and Boyer [1997: 194–195]

тотального финансового богатства, в то время как мезокорпоративистская модель отдает предпочтение стабильности длительных отношений доверия и лояльности, иногда даже за счет макроэкономических показателей (как явствует из японского опыта прошедшего десятилетия).

- Даже если принять, что некая разновидность капитализма лучше другой согласно оптимуму Парето (больший рост, лучшие показатели занятости, большие прибыли, большее равенство и т.д.), то сравнительный исторический анализ показывает, что нет ни одного случая чистого и совершенного следования данной успешной модели капитализма. Во всех случаях имеет место процесс «гибридизации», который завершается возникновением отличного от нее особого типа капитализма. Вспомним траекторию Германии и Франции в период первой промышленной революции и сравним ее с траекторией Англии, или сильные различия в массовом производстве после Второй мировой войны в США, Европе и Японии. Есть ли какая-то возможность приближения Китая к американской модели капитализма? Априори — никакая (или крайне малая).

При сравнении достоинств и недостатков четырех разновидностей капитализма, становится ясно, что приведенные аргументы вполне релевантны: критерии успеха варьируются от одной модели к другой. Даже если социал-демократическая модель воспринимается как наилучшее сочетание динамической эффективности и социальной справедливости, то разве может какой-либо американский политик убедить граждан принять ее — в свете соответствующего повышения налогообложения и социальных контрибуций?

IV. ЛИБЕРАЛИЗМ — ЭТО МНОГОАСПЕКТНОЕ УЧЕНИЕ...

Вопрос о взаимоотношении между либерализмом и демократией, с одной стороны, и либерализмом и капитализмом — с другой, является весьма запутанным. В XIX в. политический либерализм расходился с демократией, но в настоящее время он стремится ассоциировать себя с ней. Прошлый национальный опыт XX в. связывает экономический либерализм с достаточно авторитарными, недемократическими политическими режимами. Более того, в политических и идеологических дебатах либерализм и капитализм часто употребляются как синонимы: довольно странное смешение. Если капитализм является реальным социоэкономическим режимом, то экономический либерализм есть доктрина, или теория, которая должна легитимизировать именно форму свободно-рыночного капитализма. Было ли возникновение либерализма ключевым фактором в учреждении капиталистических экономик? Имеется много сомнений по этому поводу.

- Во-первых, Адам Смит, Давид Рикардо и другие были создателями доктрин и теорий, но никак не институтов капитализма. Политэкономические теории не осуществляются сами по себе, хотя и могут вдохновить экономических или политических деятелей.

- Во-вторых, кто был реальным создателем современного капитализма? Экономическая и социальная история предполагает, что капиталистические организации возникли из изобретательства, борьбы и конкуренции самих действующих субъектов: торговцев, купцов, менял, банкиров, предпринимателей, изобретателей, инженеров, финансистов, счетоводов, юристов и даже политической элиты торговых городов.
- В-третьих, можно сказать, что постоянный рост экономистов как профессионалов был последним штрихом в этой сложной со-эволюции рынка и промышленных и финансовых инноваций, с одной стороны, и экономических анализов и теорий — с другой.

Второй момент касается двойственности либерализма как предположительно синтетической доктрины. Для экономистов либерализм является рекомендацией организовывать экономику сообразно принципу свободного функционирования рынка. Экономический либерализм, таким образом, полностью противоположен интервенционизму. Для политолога либерализм является принципом организации отношений между гражданами и государством, предполагающим наделение индивидов все большими полномочиями в качестве реакции на остатки концентрации политической власти. Политический либерализм есть антидот к доктрине, оправдывающей монополизацию власти.

В общем и целом эти две составляющие либерализма считаются строго комплементарными: без политического либерализма не может быть успешного экономического либерализма, и наоборот, задача политического либерализма заключается в том, чтобы продвигать и оправдывать либерализм экономический. Но опять-таки сравнительный и исторический анализы свидетельствуют против всеобщности этой ассоциации, действительно наблюдаемой во многих англосаксонских странах (Табл. 3). Более того, с чисто семантической точки зрения (что еще больше усиливает путаницу) в США «либерал» обычно значит «левый», и, следовательно, этот термин может включать враждебное отношение к рынку.

Таблица 3. Разнообразие конфигураций либерализма в истории

		Политика	
		Демократия	Авторитарный режим
Экономика	Интервенционизм	Англия в начале XX в. США	Чили 1973–1989
	Laissez raire	Франция в эпоху Золотого века	Южная Корея 1945–1985

- В Латинской Америке можно обнаружить много примеров диктаторских режимов, которые уничтожили демократию, но при этом использовали силу государства для продвижения рыночного капитализма. В случае Чили эта стратегия оказалась в конечном счете успешной, предвосхитив во многих областях политику консервативных правительств в старых демократиях. Современный Китай является другим примером квазикомплементарности между авторитарным политическим режимом и продвижением и распространением типично капиталистической логики.
- Более общепринятой ассоциацией является смешение авторитарного военного режима и интервенционизма, т. е. случай сильной (и тяжелой) государственной руки в организации экономической активности через раздачу кредитов, манипулирование с внутренними тарифами, координацию стратегий всемогущей государственной администрацией. В этой конфигурации можно узнать Южную Корею до 1985 г.
- Последняя конфигурация ассоциируется с достаточно широкой демократией в политической сфере, сочетающейся с явным неверием в эффективность и законность внедрения чисто рыночных механизмов. Это случай многих смешанных экономик, существовавших с конца войны до 1960-х гг. (Shonfield, 1965). Франция является хорошим примером достоинств этой оригинальной смеси политического либерализма и строгого экономического интервенционизма.

Положение 7: Исторические факты опровергают гипотезу о структурной комплементарности между политическим и экономическим либерализмом.

...а капитализм является социоэкономическим режимом...

Краткое исследование отношений между капитализмом и его репрезентациями и теоретическими описаниями предполагает такие же трудности. Действительно, возникает соблазн установления связи между теориями и доктринами и социоэкономическими режимами: разве Адама Смита

Таблица 4. Сложные отношения между либерализмом и капитализмом в социальных теориях

		Социоэкономический режим	
		Капитализм	Социализм
Политический стиль	Интервенционизм	Адам Смит	Рыночный социализм Ланге, Тейлор
	Либерализм	Лист Гершенкрон	Преображенский

не считают обычно не только отцом-основателем политэкономии, но также и учителем, показывающим, как возникает промышленный капитализм? И разве некоторые аналитики не ассоциируются с неолиберализмом, дерегулированием неоклассической теории и современным капитализмом, основанным на конкуренции? Равным образом, социализм воспринимается как противоположный социоэкономический режим: политическая организация основана на власти, сконцентрированной в руках одной партии, экономические действия осуществляются в рамках центрального планирования, а марксизм считается релевантной теорией/идеологией.

Но две другие конфигурации показывают, что эта черно-белая картина не отражает многообразия в связи между идеями и социоэкономическими режимами (Табл. 4).

- Является ли либерализм необходимым ингредиентом для построения капиталистического национального государства? Очевидно, что лишь немногие (если вообще какие-нибудь) национальные экономики повторили британскую стратегию, которая полагалась в основном на принципы *laissez faire* как внутри страны, так и за ее пределами, смягчая их, однако, умелым использованием возможностей империи для поддержки отечественной экономики. Франция, Германия и Япония шли другим путем, применяя массированное государственное вмешательство ради защиты своей неразвитой промышленности (Лист, 2005). Равным образом индустриализация крупных латиноамериканских стран базировалась на мощном участии государства — для преодоления зависимости от специализации в сырьевом экспорте. Наконец, хотя и не в последнюю очередь, азиатские тигры, Китай и Индия, выстраивали свои стратегии на многообразном вмешательстве девелопменталистского государства: нынешнее благополучие их экономик никоим образом не ассоциируется с наивной опорой на «невидимую руку».
- В межвоенный период некоторые теоретики предложили довольно смелую концепцию социализма: если капитализм ведет к сговору, концентрации и монополии, то задача социалистического правительства заключается в том, чтобы восстановить конкуренцию с целью максимизировать благосостояние общества. В определенном смысле концентрация политической власти могла бы привести к результатам, нацеленным на экономический либерализм (Lange and Taylor, 1938). Некоторые реформаторы советской экономической системы в 1960-х думали, что использование мощных компьютеров позволит центральному планированию обрести беспрецедентную эффективность при распределении рабочей силы и ресурсов, т. е. победить капитализм в его же собственной игре. Этим как бы отдавалась дань двум теоремам благосостояния: планирование может дать то, чего не могут дать существующие рынки.

Положение 8: Приверженность экономическому либерализму не является ни необходимым, ни достаточным условием для построения капиталистиче-

ской экономики, поскольку интервенционизм вполне доказал свою эффективность для запоздавших стран.

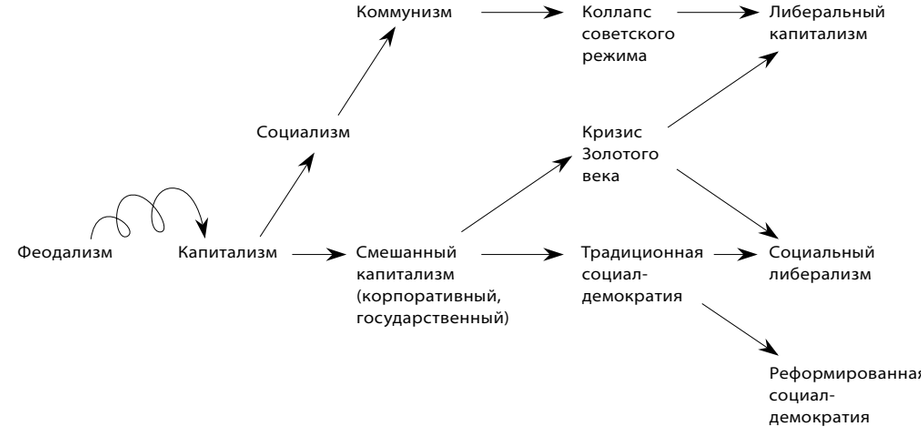
...в постоянном изменении

Приведенные ранее примеры указывают на одну из важнейших составляющих капиталистических режимов: на их способность к трансформации в ответ на социальную борьбу, серьезные кризисы и изменения политических режимов. Неудивительно, что, в соответствии с марксистским анализом, этот способ производства действительно движет историю человечества, периодически изменяя конфигурацию отношений труда и капитала, природу конкуренции, географическое расширение рынков и даже организации, технологии и образ жизни. Возникнув в результате распада феодальных режимов, капитализм был столь динамичен и противоречив, что, как ожидал Карл Маркс, должен был породить подлинно коллективные формы организаций, которые, развиваясь, приведут к его гибели и замене на социализм и, наконец, на коммунизм.

Этот прогноз был опровергнут на следующих основаниях:

- Коммунистическая революция произошла не в наиболее развитых капиталистических обществах, т. е. в Англии, но в таком отсталом и полуфеодальном обществе, как Россия. Предполагалось, что советский режим превзойдет капитализм в эффективности экономики, если не в демократических принципах. Его коллапс в 1989 г. стал, таким образом, контрольной точкой в так называемом соревновании экономических и политических систем.
- Равным образом, различные капитализмы радикально изменились через последовательность экономических и финансовых кризисов, социальных и политических конфликтов и географического распространения рыночных отношений. Например, вопреки прогнозу о численном росте пролетариата, социальное разделение труда произвело растущий средний класс, что значительно смягчило тенденции к социальному неравенству. Предполагалось, что это замедлит динамику инноваций (Шумпетер, 1995), но данный прогноз не подтвердился послевоенной эволюцией. На уровне способа производства, смешение общественных институтов и частных организаций привело к различным формам смешанного капитализма (Shonfield, 1965).
- Но сам успех этого нового режима породил противоположные тенденции, которые привели к кризису Золотого века. Часто он интерпретируется как невозможность дальнейшего государственного вмешательства в экономику по причине открытия отечественных экономик и беспрецедентной интернационализации, подрывающей автономность национальных политик. В начале 1990-х казалось, что этот закат послевоенного порядка откроет новую эпоху, отличительной чертой которой будет быстрое и простое распространение канонической модели, основанной на двух базовых принципах: рынки для организации экономической активности и представительная демократия в политической сфере. Либеральный капитализм, как тогда казалось, будет представлять этот общий экономический и политический режим (Фукуяма, 2004).

Схема 1. Историческая эволюция политических и экономических режимов: вид с высоты птичьего полета



В настоящее время эта гипотеза подверглась значительному пересмотру, поскольку в старых демократиях все еще сосуществуют три концепции (Схема 1).

- Либеральный капитализм продолжает рассматриваться как эталон, но последние события понизили его привлекательность. Его экспорт признан достаточно проблематичным, особенно когда он осуществляется посредством иностранной интервенции в контексте полного уничтожения возможностей государства осуществлять свои функции (Фукуяма, 2007). Более того, либеральный капитализм обладает гибкостью и большими инновационными возможностями, однако за это приходится платить ростом неравенства и финансовой нестабильности.
- Большинство социал-демократических обществ пережили кризис и значительную реструктуризацию в 1980-х или 1990-х. Но вместо того чтобы обратиться к типично либеральной экономике, где координация осуществляется рыночными механизмами (Hall and Soskice, 2001), они преуспели в реформировании своей системы социального обеспечения, налогообложения и общественного сектора, сохранив в качестве цели социальную справедливость. Новая социал-демократия, таким образом, примирила эффективность с солидарностью в контексте широкой открытости мировой экономике и включенности в основанную на знаниях производственную парадигму (Boyer, 2004b).

- Социальный либерализм является третьей политической моделью во многих европейских обществах, где слабость коллективных субъектов, их постоянные конфликты и взаимное недоверие не позволяют двигаться по типичному социал-демократическому пути постоянных переговоров ради достижения новых компромиссов. Главные их задачи — подготовить граждан к использованию возможностей рынка и принять сопутствующие ограничения (в том, что касается мобильности, гибкости, оплаты и скудной системы социального обеспечения). В теоретических исследованиях эта модель часто маркируется как «Третий путь» (Giddens, 1998). *Де-факто,* но не *де-юре*, в Европе он является источником вдохновения как для некоторых социалистов, так и для большинства правых политиков. Продвижение экономического либерализма идет рука об руку с введением минимального уровня соцобеспечения посредством адресной поддержки.

Положение 9: В некотором смысле «Третий путь» есть обновление социал-демократии на основании предложений Ланге-Тэйлора относительно рыночного социализма: политика должна продвигать приверженность рыночной экономике.

V. ГИПОТЕЗА: ВКЛЮЧЕНИЕ КЛЮЧЕВЫХ СОЦИОЭКОНОМИЧЕСКИХ ГРУПП В ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС ОБЕСПЕЧИВАЕТ СТАБИЛЬНОСТЬ ДЛИТЕЛЬНОГО РОСТА...

Перед тем как вернуться к дискуссии о точном содержании этих политических программ, было бы полезно напомнить о некоторых главных находках предшествующих регуляционистских исследований, касающихся возможных связей между демократизацией и состоянием экономики.

Альянс между управляющими и наемными рабочими ведет к беспрецедентному росту: 1945–1966.

После Второй мировой войны наемные работники составляли бо́льшую часть трудящихся, но одного этого было недостаточно для возникновения нового режима роста по фордистской модели. Эта социальная группа была большинством уже в межвоенный период, но не могла — как коллективный субъект — изменить основанную на жесткой конкуренции модель формирования заработной платы. Практика показывала, что данная модель препятствовала сохранению жизнеспособности массового производства, поскольку не была синхронизирована с эквивалентным массовым потреблением со стороны наемных работников. Напротив, после Второй мировой войны введение индексации заработной платы в соответствии с потребительскими ценами и производительностью труда обусловило беспрецедентный режим роста, который примирил стабильные и высокие прибыли с постоянным повышением жизненных стандартов практически всех наемных

работников. В некотором смысле эта новая институализация прав рабочих в экономической сфере была следствием процесса демократизации в сфере политической. Ясно, что этот процесс сослужил хорошую службу динамичности и стабильности роста. Соответствующий фордистский компромисс был следствием углубленного процесса демократизации, обусловленного вызовом, который в то время являл собой советский режим.

От наемных работников к потребителям: первый ответный ход консерваторов: 1967–1985.

Сам успех в мобилизации доходов, растущих в масштабах, обычных для массового производства, обусловил рост международной торговли ради получения соответствующих выгод на международных рынках. Однако затем спрос, основанный на росте зарплат, стал постепенно заменяться спросом, основанным на росте экспортных прибылей, и эти структурные изменения в экономике начали постепенно размывать базис фордистского компромисса. Для того чтобы противостоять иностранной конкуренции, предприятия и правительства стали подчеркивать необходимость снижения заработной платы, увеличения производительности труда и качества продукции. Политика по снижению зарплат была принята, а фордистская формула отброшена: безработица подорвала переговорные возможности рабочих, а управленцы под угрозой закрытия заводов добились уступок по зарплатам, большей интенсивности труда и внедрения новых методов повышения качества, которое, наряду с ценой, рассматривалось как решающий фактор при международной конкуренции.

Для укрепления дисциплины в среде наемных рабочих управленцы использовали, как правило, отечественных потребителей, равно как и зарубежный спрос. *Де-факто* и, наконец, *де-юре* прошлые национальные компромиссы были постепенно замещены серией микрокорпоративистских соглашений на уровне предприятий, которые включали различные возможности для ведения переговоров по заработной плате. Это был поворотный пункт в отступлении от изначальных принципов (коллективные переговоры и неокорпоративизм), которые должны были защитить рост зарплат наемных рабочих и условия труда от высокой конкуренции между предприятиями. Таким образом, установление производственных отношений на уровне предприятий мгновенно разрушило существенные элементы как коллективных переговоров, так и неокорпоративизма. Для того чтобы защитить свою открытость мировой экономике, бизнес и правительства стали подчеркивать позитивную роль снижения цен для стандартов уровня жизни, поскольку номинальные зарплаты были отвязаны от изменений потребительских цен. Таким образом, возникла тенденция к замещению (посредством ценовой конкуренции и снижения зарплат) наемных работников потребителями в качестве целевой группы экономической политики. В конце концов такой же процесс начался в отношении общественных и государственных служб: граждане рассматривались как клиенты и потребители, и это стало одной из основ консервативной контрреволюции от Маргарет Тэтчер до Тони Блэра (Faucher-King and Le Galès, 2007: 179).

Исключение наемных рабочих обусловило финансовый режим, достаточно нестабильный и влекущий усиление неравенства: 1986–2008.

Однако дерегулирование рынков производства и труда ассоциировалось также с финансовой открытостью, дерегулированием и инновациями, т. е. со структурным сдвигом, который, как оказалось, имел весьма серьезные последствия. Во имя обогащения акционеров, топ-менеджеры крупных национальных компаний, котирующихся на бирже, вступили в сговор с финансистами — с целью перенести значительную часть рисков на наемных работников, а также стабилизировать впоследствии норму прибыли по акциям и разделить часть доходов посредством биржевых опционов и других механизмов. Равным образом в США, например, система социального обеспечения подвергалась все большей и большей приватизации, а система «плати по мере получения» была заменена пенсионными фондами (Montagne, 2006). В течение двух десятилетий эта финансиализация непосредственно влияла на макроэкономическую эволюцию и даже пронизала систему оплаты наемных работников. *Де-факто* наемные работники были исключены из предшествующего альянса на уровне предприятий, но они были исключены из него также на политическом уровне, что очевидно, например, в случае США, где это было осуществлено благодаря господству республиканцев в ущерб демократам, которые были традиционно связаны с рабочими движениями. Более того, новый финансовый режим является в основе своей международным, а демократия и политические решения остаются на уровне национальных государств (за исключением, возможно, Европейского Союза как зародыша федерального государства в поисках демократической легитимации).

Исключение значительной социальной группы наемных рабочих является свидетельством де-демократизации, а макроэкономические результаты — разочаровывающими, сравнительно с ожиданиями, порожденными альянсом финансов и новых технологий. Американский рост весьма скромен и нестабилен, а в 2001 и 2007–2008 гг. разразились два больших финансовых кризиса. Как кажется, это является доказательством от противного для следующей гипотезы:

Для демократий, где наемные рабочие являются основной группой, их голоса в политическом процессе обычно способствуют получению хороших макроэкономических показателей. И наоборот, исключение этой группы, как правило, препятствует долговременному макроэкономическому росту.

Возможная причина коллапса гегемонии христианских демократов в Италии: исключение наемных работников

Эта интуиция, возникшая на основании приведенных исторического и сравнительного анализов, подтверждается детальным исследованием, посвященным интерпретации коллапса послевоенного политического порядка в Италии (Palombarini, 1997; 1998; 2001). Основная его идея заключается в том, что наемные работники и предприятия ведут переговоры в соответствии с условиями, установленными макроэкономической политикой, т. е. в соответствии с выбором обменного курса и размера дефицита государственного бюджета. Этот выбор осуществляется политической коалицией, возникающей в результате периодических выборов. Во время выборов каждая из трех социальных групп (предприниматели, рантье, живущие на проценты, получаемые с государственных займов, и наемные работники) голосуют за партии в соответствии с идеологическими предпочтениями и степенью удовлетворенности макроэкономическими переменными, важными для них (соответственно, нормой прибыли, реальной процентной ставкой и сочетанием реальной зарплаты и занятости).

Фактически после Второй мировой войны распределение политической власти в Италии было таково, что Христианская демократическая партия выражала интересы альянса рантье и предпринимателей. Увеличение государственных расходов и госдолга стимулировало спрос на продукцию предприятий и повышало доход рантье, составлявших значительную часть населения. Если эти две игры — на уровне предприятий, с одной стороны, и на уровне национальной политики, с другой стороны — включаются в макроэкономическую модель, описывающую этот весьма специфический метод регулирования, то моделирование показывает, что рост долга носит кумулятивный характер; следовательно, процент, получаемый рантье, повышается по причине роста рисков. С этого момента интересы бизнеса и рантье расходятся, а тяжесть согласования их несовместимых стратегий переносится на плечи наемных работников. Таким образом, одновременно возникает политический и экономический кризис. Безусловно, это очень сильное упрощение итальянского случая, и эта модель, конечно, не претендует на то, чтобы дать исчерпывающее объяснение коллапса христианских демократов[1], но тем не менее она предоставляет довольно плодотворное видение отношений политики и экономики.

Длительное исключение из политического процесса наемных работников привело в конце концов к утрате стратегией политической коалиции христианских демократов своей жизнеспособности. Это является аргументом в пользу доступа этой социальной группы к альтернативной политической коалиции.

Положение 10: Включение большинства социоэкономических групп в политический процесс обычно является благотворным для длительной жизнеспособности экономического режима.

1. Как отметил Колин Крауч, «здесь нет указаний на 1) тот факт, что в ХДП входили представители рабочего класса, интересы которых должны были быть соблюдены в определенных пределах; 2) то, что как политика, так и экономика Южной Италии поддерживалась за счет коррупции и уклонения от налогов, что в конечном счете привело к кризису, поскольку общество начало требовать улучшения сферы общественных услуг в качестве компенсации за налоги, которые многие не платили; 3) воздействие на послевоенную политическую конфигурацию, которое оказал спад “коммунистической угрозы” и влияния Церкви».

...политическое посредничество имеет значение

Те же исследования подчеркивают также (Palombarini, 2001), что усложненность процесса политического вмешательства может иметь большое значение для экономических показателей и социоэкономического режима. Особенности избирательного процесса, который должен был обеспечивать пропорциональность, приводят к дроблению партий, в связи с чем некоторые из них становятся центральными в поддержании существующей политической коалиции. Таким образом, внутренние политические игры могут периодически вносить путаницу в экономическую политику. Следовательно, структура политической сферы обусловливает то, что политики ориентируются преимущественно на принятие краткосрочных решений. Это другой фактор макроэкономического кризиса — ни один политический субъект не стремится прояснить для себя долгосрочные последствия решений, касающихся экономической политики.

Следовательно, это обстоятельство может объяснить, почему некоторые авторитарные режимы (в Латинской Америке в 1970-х—1980-х, Южной Корее до 1985 г. и, конечно, в современном Китае) при принятии решений обращают внимание на долговременный рост и стабильность и, соответственно, показывают впоследствии неожиданно хорошие макроэкономические результаты — не благодаря демократии, а благодаря ее отсутствию, т. е. благодаря исключению большей части населения из политического процесса. Таким образом, плохо спланированная избирательная система (Италия) или же система, не отвечающая актуальному социальному расслоению данного общества (Россия времен Горбачева, Ирак после Саддама Хусейна), могут быть губительны как для демократизации, так и для макроэкономической стабильности и показателей.

Положение 11: Усложненность политического посреднического процесса может как помочь, так и помешать задачам по демократизации.

VI. СОВРЕМЕННЫЙ ПАРАДОКС: РАСПРОСТРАНЕНИЕ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ НА НОВЫЕ ОБЩЕСТВА...

После коллапса советского режима, многие обозреватели предсказывали волну демократизаций, которая действительно имела место в Центральной и Восточной Европе, а также — хотя и в меньших масштабах — в Азии (Индия является демократией с момента получения независимости, а Китай — нет) и, наконец, в Латинской Америке. Этот континент особенно интересен, поскольку он был родиной теории и практики девелопменталистского государства, иногда возникавшего в результате военного переворота[2]. Автократические правительства отменяли часть демократических прав и свобод, но тем не менее в некоторых случаях девелопменталистские государства добивались экономической модернизации, пусть даже и ценой больших социальных потерь (Santiso, 2007). Уже поэтому трансформация 90-х была неожиданной. С одной стороны, вопреки тому беспорядку, который ассоциируется с финансовыми и экономическими кризисами, общественное мнение обратилось к достоинствам демократии. С другой стороны, большинство латиноамериканцев считает, что демократия полезна для развития их стран.

2. Это вовсе не значит, что все военные режимы были заинтересованы в экономическом развитии, равно как и то, что все гражданские правительства не имели в нем интереса.

В связи с этим многие политологи провели углубленные исследования с целью понять, какие факторы обусловили этот процесс демократизации (см., напр., Przeworski, 1991; 2004). Однако эта приверженность демократии далека от наивной: «Как это происходило и в старых демократиях, возросла неудовлетворенность граждан своими лидерами... Между 1996 и 2003 гг. удовлетворенность значительно снизилась. Во всех странах, кроме Венесуэлы, удовлетворенность демократией снижалась. Эта неудовлетворенность касается, прежде всего, экономических достижений демократических режимов» (Santiso, 2007: 33). Совершенно очевидно, что оценка гражданами действий их правительств была обусловлена целым комплексом факторов: с одной стороны, их политическими и идеологическими предпочтениями, а с другой — оценкой практических последствий (включая экономические) прошлой политики для каждого индивида.

...но разочарование граждан новых и старых демократий

Фактически одной из главных причин разочарования граждан является именно то, что большинство правительств не обеспечило результаты, соответствующие предвыборным обещаниям. Следовательно, наблюдается падение — сравнительно с Золотым веком. В тот период даже консервативные политики заявляли о своем кейнсианстве (Никсон в США) или приверженности социал-демократии (Валери Жискар д'Эстен во Франции), поскольку хотели казаться прогрессивными и связанными с истоками беспрецедентного экономического динамизма. Напротив, сегодня граждане винят правительства в плохих макроэкономических показателях, даже если те и не несут за них прямой ответственности.

Однако помимо этого, лежащего на поверхности, объяснения, разочарование в демократических режимах требует и более глубоких (Табл. 5).

- Наиболее часто указывают, понятно, на фактор влияния глобализации. В годы Золотого века предприятия и наемные работники *де-факто* зависели друг от друга, поскольку массовое производство было ориентировано на внутренний рынок, образованный преимущественно наемными работниками. Эта экономическая сопряженность имела свое отражение в политической сфере, что объясняло примечательную стабильность этого социополитического режима. Напротив, сегодня национальные предприятия ори-

Таблица 5. Риски и возможности обновления демократии

Риски	Возможности
1. «Глобализация» дает право «символическим аналитикам» освободиться от национальной политики: реальный риск	1. Большая демократизация на международном уровне через реформы институтов ООН: потенциальная возможность
2. Рост транснациональных корпораций как субъектов, недоступных демократическому контролю на национальном уровне в эпоху неолиберализма	2. Развитие организаций гражданского общества на международном уровне с целью создания противодействующей силы
3. Возникновение нового неравенства в экономике, основанной на знаниях	3. Некоторые социал-демократические общества достигли успеха в сохранении умеренного неравенства при создании экономики, основанной на знаниях
4. Расхождение между высокой сложностью современных обществ и пределами возможностей представительной демократии	4. Обновление интереса к партисипативной демократии и другим формам демократии, дополняющим представительную демократию
5. Кризис политического посредничества	5. На основании неудачного опыта (Ирак) и продолжающегося процесса (Латинская Америка) реполитизация независимых административных организаций
6. Слияние финансов, медиа и политики, угрожающее демократическому процессу	6. Новые регулирующие механизмы гражданского контроля над медиа, финансами и политиками

ентированы на мировой спрос и могут осуществлять инвестиции по всему миру, поэтому структурная сопряженность с рабочей силой разрушена.

- Более того, стабильность иерархии зарплат среди наемных работников соответствовала широкому разделению труда, символом которого может служить сборочный конвейер. Сегодня дальнейшее углубление разделения труда обусловливает значительную индивидуализацию компетенций (Beffa, Boyer, Touffut, 1999). У истоков новой производственной парадигмы, основанной на инновациях, дифференциации и высоком качестве товаров и услуг стоят профессионалы («символические аналитики» Роберта Райха). Они высокомобильны (как в отношении перехода с одного рабочего места на другое, так и в отношении смены страны проживания). Напротив, наемные работники со скользящим графиком страдают как от недостатка компетенции, так и от зависимости от внутреннего рынка. Между ними находятся рабочие, обладающие несколькими профессиями, которые продолжают получать выгоду от предшествующего компромисса между управленцами и рабочими, поскольку отражают специфические компетенции предприятия; их число, однако, снижается. Сегментация рабочих ослабляет их коллективную возможность вести переговоры.
- Возрастающая гетерогенность компетенций, стилей жизни и политических предпочтений делает политическое посредничество все более и более затруднительным. Если режим массового производства / массового потребления изначально обусловливал гомогенность, то в ходе созревания он начал производить все большую дифференциацию статусов. Если, следовательно, становится все труднее удовлетворить большинство граждан, то тем более это касается куда более разнообразных тем, включенных в повестку дня (занятость, доход, безопасность, качество жизни, экология и т. д.).
- В противоположность прогнозу Лумана, мы, как представляется, наблюдаем тенденцию к смешению, если не к синтезу трех ранее различных сфер: финансов, медиа и политики. Следовательно, во многих областях экономики и социальной политики типичный демократический процесс более не является единственным релевантным механизмом. Например, биржи, как правило, очень быстро реагируют на политические заявления, куда быстрее, чем процесс демократического принятия решений. Равным образом, постоянно возрастает роль коммуникаций и медиа — не только в период выборов, но и после них, при обыденной политической работе. Более того, можно наблюдать растущую зависимость политиков от обильной финансовой помощи, которую они получают в основном от крупных корпораций, а не от граждан или ассоциаций гражданского общества[3].

Тем не менее было бы слишком рано заключать, что начался всеобщий процесс де-демократизации (если пользоваться терминологией Чарльза Тилли). Совершенно очевидно, что наличествует несколько факторов, содействующих демократизации (см. Табл. 5). Во-первых, некоторые общества, особенно социал-демократической традиции, сохранили действенность и законность демократических процедур, даже несмотря на то, что новые мигранты создают определенную напряженность (прежде всего, это касается системы соцобеспечения). Во-вторых, старые европейские демократии изучили опыт неудач сторонних демократических институтов, например, ближневосточных. В-третьих, траектории латиноамериканских стран дают определенную надежду, поскольку их действующие субъекты научились на предшествующих ошибках как избыточной экономической либерализации, так и авторитарных режимов.

Наконец, хотя и не в последнюю очередь, многие философы и политологи исследуют возможность различных дополнений к представительной демократии. Они предлагают, например, развивать партисипативную демократию на всех уровнях социальных и экономических организаций (Canto-Sperber, 2003; Crouch, 2004; Фукуяма, 2007; Schmitter and Trechesel, 2005; Rosanvallon, 2006; Crowley, 2007; Blondiaux, 2008). В настоящее время неко-

3. Президентская избирательная кампания Барака Обамы в 2008 г. может рассматриваться как исключение из этой тенденции.

торые политики начинают обсуждение этих предложений во время предвыборных дебатов. Наконец, текущий кризис «плохой» ипотеки сделал очевидным, что одной из задач правительства является дисциплинирование финансового сектора: необходимо иметь представление о том, являются ли его инновации полезными для благосостояния общества и совместимы ли они с макроэкономической стабильностью. Равным образом, некоторые правительства пытаются положить пределы концентрации медиа и их поглощению экономическими интересами; однако другие правительства не предпринимают ничего, когда политики становятся лоббистами чьих-то экономических интересов.

Положение 12: В современном мире наблюдаются две противоположные тенденции: распространение конституционной демократии на новые страны и, с другой стороны, ощутимый кризис представительной демократии в новых и старых демократических обществах... тем не менее де-демократизация не является неизбежной.

VII. ДИЛЕММА: ОБНОВЛЕННАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ ИЛИ СОЦИАЛЬНЫЙ ЛИБЕРАЛИЗМ?

Первая стадия глобализации сделала популярной идею о полной экономической детерминированности национальной политики. «Альтернативы нет» (There Is No Alternative, TINA) — таков был классический лозунг этого периода. Соответственно, предполагалось, что все предшествующие организации и институты должны стать совместимыми с экономической логикой, выраженной на мировом уровне. Требования финансистов, выраженные в терминах создания стоимости для акционеров, обновили давление по всему миру. Для некоторых левых правительств социальный либерализм стал императивом после того, как предшествующие социальные и демократические модели были признаны устаревшими. Теперь становится все более и более очевидным (в том числе, и для международных организаций, таких как ОЭСР), что свою релевантность, устойчивость и жизнеспособность доказали несколько институциональных конфигураций, а не только какая-то одна.

Позволим себе представить далее оценку двух путей, открытых для левых политических коалиций (Табл. 6) и сфокусироваться на специфических особенностях новой социал-демократии (НСД).

- Как правило, и социал-демократия, и социальный либерализм открыты к мировой конкуренции, но они различаются в том, что касается удельного веса коллективных действий и рынков. Вместо того чтобы воспринимать сигналы рынков, особенно рынка труда, как главный ориентир, НСД защищает от спонтанных корректировок рынка императивы социальной включенности, достойной зарплаты и широкой солидарности посредством системы социального обеспечения. Рынки функционируют в пределах, установленных стандартами, принятыми на основании коллективных решений. Они являются инструментами постоянного перераспределения труда в ответ на вызовы конкуренции, изменения спроса и инноваций.
- В то время как для типичных либеральных режимов роль государства является остаточной, НСД признает за государством центральную роль в финансировании и организации начального и среднего образования, университетов, научных исследований, профессиональной подготовки, здравоохранения и большинства общественных служб. Следовательно, система налогообложения должна быть хорошо разработанной и применять прогрессивную шкалу, поскольку в ее рамках происходит перераспределение значительной части национального дохода (например, 50% от ВВП в Дании).
- Вместо постфактум-коррекции неравенства, произведенного рынками, НСД ставит перед начальным образованием задачу развить общие компетенции у как можно большей части населения: это касается, прежде всего, гражданского чувства, возможности получения доступа к хорошо оплачиваемой работе, постоянной адаптации к эволюции экономики и техническим изменениям посредством системы профессиональной переподготовки.

Таблица 6. Конкуренция между новой социал-демократией и социальным либерализмом

Новая социал-демократия	Социал-либерализм
1. Наделение рабочих полномочиями	1. Приспособление рабочих к рынкам
2. Трансформация рыночных отношений в соответствии с приматом социальной включенности	2. Чистые рыночные механизмы как источники эффективности в соответствии с приматом рыночной включенности
...обе системы суть ответы на глобализацию	
3. Центральная роль государства в создании всеобщей системы соцобеспечения	3. Остаточная роль государства в избирательном соцобеспечении
4. Образование является источником социальной включенности и уравнивания возможностей и, вероятно, результатов	4. Образование является средством отбора для вхождения в элиту и путем к занятости
5. Относительная открытость и гибкость в том, что касается возможности политической карьеры	5. Возможная тенденция к отделению политической элиты от общества с вероятным созданием династий
6. Flexicurity (или «гибкость-безопасность»)	6. «Гибкая гибкость»
7. Поиск возможностей для устранения внутренних источников неравенства вопреки рыночным механизмам	7. Коррекция посредством налогообложения и социальных выплат в наиболее очевидных случаях неравенства, обусловленных рыком

- При наличии долгой традиции социализации в локальных сообществах равных, плотности социальных сетей, имеющих значение для формирования политики на национальном уровне, а также небольшом, как правило, размере социал-демократических обществ, политики глубоко укоренены в обществе. Это ясное свидетельство сохранения демократических принципов и практик контрастирует с тенденциями отделения политических элит от граждан, наблюдаемыми в случае многих других режимов.

Положение 13: Реформированные социал-демократические общества продолжают проводить политику сочетания экономической динамической эффективности и сглаживания неравенства.

Датская система flexicurity [система социального обеспечения, предполагающая комбинацию упрощенной процедуры приема на работу и увольнения («гибкость» (flexibility) для работающих) и высокий уровень обеспечения (безопасность, security) для безработных — *прим. перев.*] *не является вариантом workfare* [система социального обеспечения, стимулирующая получающих пособие браться за любую работу — *прим. перев.*].

Схема 2. Система *workfare*. Снижение социальных пособий ради укрепления рыночных механизмов

Схема 3. Система *flexicurity*. Новая конфигурация солидарности через реформу системы социального обеспечения

Чтобы продемонстрировать контраст между либеральным режимом и НСД, можно сопоставить ее систему социального обеспечения с системой *workfare*, характерной для либерального капитализма и социального либерализма. Обе системы обеспечивают хорошие показатели занятости, но они используют разные стратегии и приводят к разным результатам (Схемы 2 и 3).

- Общее для этих двух систем — принятие принципа мобильности труда в качестве ответа на влияние конкуренции на создание и уничтожение рабочих мест. Но workfare может включать снижение социальных пособий в случае, если снижается конкуренция между работниками, в то время как НСД требует, чтобы мобильность труда была ориентирована на рабочие места, требующие более высоких профессиональных навыков и создающие высокую добавленную стоимость (Boyer, 2006a).
- Второе различие касается решения о профессиональной переподготовке. В системе *workfare* приоритетом является возврат на работу (даже если она плохо оплачивается и не дает возможности для карьерного роста). Переподготовка является индивидуальным выбором. Социал-демократические режимы используют мощные стимулы (или даже ограничения) для того, чтобы обеспечить возврат на работу, но при этом принимают во внимание среднесрочную перспективу относительно компетенций индивида и возможности для него сохранить хорошую работу в течение длительного времени. Государственные агентства одновременно ведут дела безработных и организуют переподготовку: для того чтобы оптимизировать карьеру индивида, а не просто дать ему работу как можно скорее.
- Третье различие касается уровня обеспеченности безработных. Конечно, любое правительство пытается оптимизировать этот компонент системы социального обеспечения. В одних случаях уровень обеспеченности намеренно сохраняют как можно более низким, чтобы стимулировать стремление безработных как можно скорее получить работу, дабы избежать бедности. В НСД ни один безработный не может оказаться за чертой бедности во время поиска работы, поскольку уровень обеспеченности достаточно высок (сравнительно с низкой зарплатой). Впрочем, активная политика в области занятости довольно редко касается контроля приспособленческого поведения безработных, в то время как либеральные режимы прямо-таки одержимы этой задачей.

На теоретическом уровне вышеописанная датская система *flexicurity* являет собой случай оригинальной комплементарности между отсутствием законодательных ограничений на найм и увольнение, достойного социального пособия и активной политики в области занятости. Напротив, англосаксонская система workfare представляет из себя сочетание принципов рыночной мобильности и довольно слабой системы социального обеспечения (низкие и стабильные минимальные зарплаты, слабое обеспечение безработных

с низкими профессиональными навыками). Неудивительно, что неравенство сглажено в НСД-режимах значительно ощутимее, чем в либеральных.

Положение 14: Реформированная социал-демократия и социальный либерализм являются соревнующимися стратегиями, поскольку система flexicurity не эквивалентна workfare.

VIII. КОНТРАСТИРУЮЩИЕ ФАКТОРЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ БУДУЩЕЕ ДЕМОКРАТИИ И КАПИТАЛИЗМА

Все предыдущие результаты ведут к одному главному заключению: было бы ошибкой пытаться найти некий общий и единственный ответ на вопрос о направлении современной трансформации капитализма и демократии. Одни и те же факторы обладают различной интенсивностью и по-разному взаимодействуют с довольно отличными друг от друга национальными траекториями. Но это признание различия конфигураций вовсе не является свидетельством полного релятивизма («все сгодится»). На самом деле, значительную помощь может оказать институциональный исторический сравнительный анализ (Thelen, 2003). Данная методология была адаптирована в рамках регуляционистских исследований и применена к трансформации экономических режимов; в то же время некоторые социальные историки разрабатывали сходные методы, применяя их к конфигурациям демократии. Давайте проследим за подобным исследованием Чарльза Тилли, представленным в последней главе его книги, посвященной будущему демократии. В результате исторических исследований он обнаружил три различных фактора, обеспечивающих демократизацию (Табл. 7).

- Уровень интеграции сетей доверия в публичную политику в старых демократиях весьма различен. Если Дания опять-таки представляет собой хороший пример интеграции, а Япония также находится в неплохом положении, то американское общество, напротив, демонстрирует многочисленные примеры автономизации сетей доверия: финансы становятся все более могущественными и влиятельными, а медиа имеют тенденцию подавлять голоса граждан при выражении их требований к государству. Франция живет наследием прошлого, когда государство обладало большими возможностями, но некоторые из американских тенденций (которые вообще являются преобладающими) присутствуют и во французской политике.
- Второй критерий, т. е. риск возникновения автономных сил, независимых от государства, не является релевантным для старых демократий, но, безусловно, представляет из себя важнейшую проблему для большинства африканских обществ (и — в прошлом — даже для современной России).
- Изолированность публичной политики от категориального неравенства является важной темой практически для всех демократий. Даже в Дании интеграция в общество рабочих-мигрантов является острой проблемой, оказывающей прямое воздействие на доступ к социальному обеспечению.

Таблица 7. Три фактора, формирующих национальный процесс демократизации

	Дания	США	Великобритания	Франция	Япония
Интеграция сетей доверия	Расширенная	Тенденция к автономизации финансов, политики и медиа	Тенденция: в общественных службах сети доверия замещаются рыночными механизмами	Традиционно высокая, но снижается	Значительная на местном уровне (до определенных пределов — на политическом)
Подавление автономных сил	Больше не является проблемой	Укрепление закулисных сил	Государство больше зависит от экономических и финансовых интересов	Сохранение интегративной роли государства при возникновении социальной и локальной выключенности	Больше не является проблемой
Изолированность от категориального неравенства	Очевидная для датских граждан; противоречивая ситуация с мигрантами	Нет: сохранение неравенства, основанного на этнической принадлежности, закрытые общины, неравный доступ к образованию и здравоохранению	Несмотря на давно существующую систему социального обеспечения, растущее неравенство, отражающееся в политике	Равенство в политической риторике, но растущий разрыв между элитой и гражданами	Традиционная вера (в среде среднего класса), но потенциально под вопросом с 90-х

Источник: основано преимущественно на модели Тилли (2007).

Интересно, однако, что социальное партнерство осуществляет процедуры интеграции рабочих-мигрантов в датскую экономику с ее высоким профессионализмом и большими зарплатами. Тем не менее напряженность между политическим гражданством и социальными правами рабочих достаточно велика в большинстве стран, в той или иной форме адаптировавших систему *flexicurity* (например, в Дании и Нидерландах). Согласно этим же критериям, США переживают некий вариант де-демократизации, поскольку интеграция беднейшей части негритянского сообщества снизилась, доступ к образованию и здравоохранению становится все более и более неравным, а закрытые общины процветают… В некотором смысле Франция имеет серьезные проблемы с выключенностью отдельных городских районов и пригородов, но в целом наследие всеобщей системы социального обеспечения все еще сдерживает распространение неравенства. В Японии экономисты обсуждают глубину неравенства, возникшего после схлопывания пузыря 80-х (Tachibanaki, 2005), но сравнение с другими страна-

ми показывает, что эта страна ближе к Европе и социал-демократическим обществам, нежели к США. Сможет ли японское общество эволюционировать в сторону гражданской социал-демократии для того, чтобы остановить ныне наблюдаемую умеренную де-демократизацию (Yamaguchi, 2005; 2007; Yamaguchi & al., 2005)?

Положение 15: Несмотря на общемировые факторы и тенденции (включая глобализацию), национальное государство все еще является главной ареной, где происходит взаимодействие политики и экономики и возникают специфические траектории.

...станет ли новая социал-демократия наилучшей защитой политических демократических прав?

Представленное выше беглое сравнение стран между собой подсказывает следующую таксономию:

- С одной стороны, американский тип либерального капитализма, при котором отношение между государством обществом и экономикой демонстрируют довольно специфическую конфигурацию. Возрастающие переговорные возможности бизнеса и финансов оказывают сильное влияние на формирование экономической политики. В определенном смысле государство отражает эти специфические интересы и в некоторых случаях навязывает обществу снижение экономических, социальных и, наконец, политических прав. Следовательно, при либеральном капитализме слабость рабочих подразумевает слабость граждан или, по крайней мере, довольно неравное использование политических прав, о чем свидетельствует, например, уровень участия в выборах в разных социальных группах. Таким образом, слабость социальных прав негативно отражается на гражданских и политических правах: это может быть общей интерпретацией процесса де-демократизации, происходящего в США, уже отмеченного в Таблице 7.
- Эта негативная спираль не является всеобщим феноменом, поскольку большинство демократических стран обладает значительной стабильностью в отношении демократических прав или даже расширяют их на новые области (пол, ограниченная дееспособность, профессиональная переподготовка и т. д.). Эту конфигурацию можно интерпретировать как очевидное сочетание базового компромисса между бизнесом и трудом (содержание которого постоянно обновляется) и четкой кодификацией прав граждан, которые корректируют структурный дисбаланс, типичный для отношений трудовой занятости. Активные граждане, широко наделенные различными социальными правами (свободный доступ к образованию всех уровней и к здравоохранению, достойное обеспечение безработных, интенсивная переподготовка и т. д.) делают сильными рабочих в самой экономической сфере. Укорененность социал-демократии делает довольно прочными демократические принципы и практики в политической сфере.

Настоящий анализ ведет к довольно нетрадиционному диагнозу. Мейнстримные аналитики предсказывают необратимый упадок системы социального обеспечения и, соответственно, прогрессирующую эрозию социал-демократии и ее сближение с мягким вариантом либерального капитализма. Здесь же мы показали, что это не является ни единственным, ни необходимым направлением эволюции. Во-первых, будучи реформированной, социал-демократия демонстрирует завидную устойчивость, поскольку может сочетать динамическую эффективность с поисками путей к социальной справедливости и смягчению неравенства. Во-вторых, признание социоэкономических прав делает демократию в политической сфере более живой и активной, что, как кажется, предупреждает постдемократическую апатию (Crouch, 2004) и минимизирует риск де-демократизации (Тилли, 2007). Отсюда последнее положение:

Положение 16: В случае либерального капитализма слабость социальных прав делает возможным процесс де-демократизации, но в обновленной социал-демократии расширенные социоэкономические права поддерживают продолжение процесса демократизации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Соединение приведенных выше положений уже представляет из себя некий тип резюме, однако их следует систематизировать.

1. Так называемое рыночное демократическое общество не представляет собой какую-то одну конфигурацию; точно так же оно не является неким единственным «лучшим путем», который легко внедрять и импортировать.
2. Капитализм является мотором постоянной эволюции экономики и социальных институтов и организаций. Демократизация является не неизменным и устойчивым трендом, но процессом, который знает периоды прогресса и регресса.
3. Вопреки тенденции к автономизации экономических и политических наук, а также различной логики экономики и политики, *де-факто* экономические режимы и политические организации со-эволюционируют. Следовательно, можно наблюдать контрастирующие траектории, даже при наличии таких общих тенденций, как индивидуализация, глобализация и финансиализация.
4. В течение двух последних десятилетий демократизация распространилась на Восточную и Центральную Европу, Латинскую Америку и другие постколониальные общества, но одновременно граждане испытывали все большее разочарование тем, как в действительности работает представительная демократия. Какой парадокс! Тогда понятны поиски других демократических форм, таких, например, как партисипативная демократия.
5. С идеологической/прагматической точки зрения старые демократии сталкиваются с выбором между по меньшей мере тремя стратегиями: либеральный капитализм, социальный либерализм и социал-демократия. Они соответствуют разным политическим альянсам и отражают иногда кон-

трастирующие между собой случаи сопряженности политической и экономической сфер.

6. Национальное государство все еще имеет значение в том, что касается политического конституционного порядка и институциональных форм, определяющих экономическую активность, т. е. способов регулирования: угрозы и вызовы демократии значительно различаются в разных национальных государствах.
7. Обновленная социал-демократия, как представляется, продлевает Золотой век, поскольку примиряет динамическую эффективность и социальную справедливость в контексте глобализации. Такой подход может (или должен) заменить либеральный капитализм как точку отсчета для политиков. Тем не менее существует множество преград распространению этой новой социал-демократии, поскольку она является результатом длившейся столетиями достаточно специфической со-эволюции политики и экономики, а также была инициирована небольшими и тесно связанными сообществами, которые распространили характерные для них доверие и процедуры на уровень национального государства. Более чем к точной, но невозможной, ее имитации, национальные правительства должны стремиться к гибридизации социал-демократических принципов со своей спецификацией, национальными традициями и политическими стилями. Во Франции государство должно играть главную роль в этом процессе гибридизации, но в Японии он может быть инициирован гражданским обществом, которое произведет, таким образом, гражданскую социал-демократическую конфигурацию.

Перевод с английского Алексея Апполонова

ЛИТЕРАТУРА

Бродель, Ф. (1986-1992) Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1–3. М.: Прогресс.

Лист, Ф. (2005) Национальная система политической экономии. М.: Европа.

Луман, Н. (2007) Социальные системы. СПб.: Наука.

Поланьи, К. (2002) Великая трансформация. СПб.: Алетейя.

Преображенский, Е. (1926) Новая экономика. М.: Издательство Коммунистической академии.

Тилли, Ч. (2007) Демократия. М.: Институт общественного проектирования.

Фукуяма, Ф. (2004) Конец истории и последний человек. М.: АСТ.

Фукуяма, Ф. (2006) Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М.: АСТ.

Фукуяма, Ф. (2007) Сильное государство. М.: АСТ.

Шумпетер, Й. (1995) Капитализм, социализм и демократия. М.: Экономика.

Amable, B., Barré R. and R. Boyer (1997) Les systèmes d'innovation à l'ère de la globalisation. OST-Economica, Paris.

Amable, B. (2003) The Diversity of Modern Capitalisms, Oxford, Oxford University Press.

André, C. and R. Delorme (1983) L'État et l'économie. Seuil, Paris.

Aoki, M. (2000) Towards a comparative institutional analysis. MIT Press, Cambridge.

Beffa, J.-L., Boyer R. and J-Ph. Touffut (1999), Employment Relationships in France. The State, the Firms, and the Financial Markets, published by the Saint Simon Foundation, Paris, France, April.

Bell, D. (2006) Beyond Liberal Democracy, Political Thinking for East Asian Context. Princeton University Press, Princeton.

Blondiaux, L. (2008) *Le nouvel esprit de la démocratie*, La République des Idées, Seuil, Paris.

Boismenu, G. (1995) Modèles politico-institutionnels et politique macro-économique. Études internationales. Institut Québécois des Hautes Études Internationales, Montréal.

Boyer, R. (1990) *Régulation School*, Columbia University Press, New York.

Boyer, R. (2000a) The French welfare: An institutional and historical analysis in European perspective. CEPREMAP Working Paper (Couverture Orange) N° 2000–07, Paris.

Boyer, R. (2000b) «Is a finance-led growth regime a viable alternative to Fordism? A preliminary analysis». *Economy and Society*, Vol. 29, n° 1, February 2000, p. 111–145.

Boyer, R. (2003) «Institutional Reforms for Growth, Employment and Social Cohesion: *Elements of a European and National Agenda*», in Maria Joao Rodrigues Ed. The New Knowledge Economy in Europe Edward Edgar, Northampton, p. 146–202

Boyer, R. (2004a) *The future of Economic Growth*, Edward Elgar Publishing, Cheltenham, UK.

Boyer, R. (2004b) «New growth regimes, but still institutional diversity». *Socio-Economic Review*, vol. 2, n° 1, p. 1–32.

Boyer, R (2005) «From Shareholder Value to CEO Power: the Paradox of the 1990s», *Competition and Change*, vol. 9, n° 1, March 2005, p. 7–47. 35

Boyer, R. (2006a) *La flexicurité danoise. Quels enseignements pour la France*. Opuscule CEPREMAP, Editions de l'ENS, Paris.

Boyer, R. (2006b) «What is the Future of Codetermination and Corporate Governance in Germany?» In Beckert Jens (ed) *Transformationen des Kapitalismus*. Campus, Cologne, p. 135–157.

Boyer, R. (2007) «Capitalism Strikes Back: Why and What Consequences for Social Sciences?», *Revue de la régulation*, n°1, http://regulation.revues.org/document1369.html.

Boyer, R. and Y. Saillard (eds.) (2001) *Regulation Theory: The State of Art*, Routledge, London.

Canto-Sperber, M. (2008) *Le libéralisme de gauche*, Hachette, Paris.

Chavance, B., Magnin, E. and R. Motamed-Nejad (eds) (1999*) Capitalisme et socialisme en perspective*. La découverte, Paris.

Crouch, C. (2004) *Post-Democracy*, Polity Press, London.

Crowley, J. (2007) *Les paradoxes du blairisme*, Fondation Gabriel Peri, Paris.

Faucher-King, F. and P. Le Galès (2007) *Tony Blair 1997–2000*, Presses de Sciences Po., Paris.

Foley, D. (2006) *Adam's Fallacy. A guide to Economic Theology*, Harvard University Press, Cambridge.

Forsyth, D. J. and T. Notermans (eds.) (1997) Regime changes, macro-economic policy and financial regulation in Europe from the 1930s to the 1990s. Berghahn Books, Oxford.

Giddens, A. (1998) The Third Way. The renewal of Social Democracy, Polity Press, London.

Greif, A. (2006) Institutions and the path to the modern economy. Lessons from medieval trade. Cambridge Univerty Press, Cambridge.

Hall, P. (1997) The political challenges facing regional trade regimes. *La Lettre de la Régulation* 22, September, p. 1–3.

Hall, P. and D. Soskice (eds) (2001) Varieties of Capitalism: The Institutional Foundations of Comparative Advantage. Oxford University Press, Oxford.

Held, D. (1996) *Models of Democracy*, Stanford University Press, Stanford CA.

Hibbs, D. A. Jr. (1987) *The political economy of industrial democracies*. Harvard University Press, Cambridge MA and London UK.

Lange, O. and F. M. Taylor (1938) *On the Economic Theory of Socialism*. Reprinted, University of Minnesota Press, Minneapolis.

Le Galès, P. and A. Scott (2007) «Une révolution bureaucratique britannique? Autonomie sans contrôle ou „freer markets, more rules"», mimeograph Sciences Po, Paris.

Machiavel (1513) *Le prince. L'art de la guerre*. Réedition Flammarion, Paris, 2008.

Marglin, S. (2008) *The Dismal Science*, Cambridge University Press, New-York.

Montagne, S. (2006) Les Fonds de pension. Entre protection sociale et speculation financière, Odile Jacob, Paris, 301 p.

North, D. (1990) *Institutions, institutional change and economic performance*. Cambridge University Press, Cambridge and New York.

Palombarini, S. (1997) «La crise italienne de 1992: une lecture en termes de dynamique endogène». In *L'Année de la Régulation 1997* (vol. 1), La Découverte, Paris, p. 229–261.

Palombarini, S. (1999) «Vers une théorie régulationniste de la politique économique». In *L'Année de la Régulation 1999* (vol. 3), La Découverte, Paris, p. 97–124.

Palombarini, S. (2001) *La rupture du compromis social italien*, CNRS Editions, Paris.

Przeworski, A. (1991) *Democracy and the Market. Political and Economic Reforms in Eastern Europ and Latin-America*. Cambridge University Press, Cambridge.

Przeworski, A. (2004) Economic Development and Transitions to Democracy. *WP Deaprtment of Politics*, New York University, New York.

Putnam, R., Leonardi R. and R. Nanetti (1993) *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*, Princeton University Press, Princeton.

Rosenvallon, P. (2006) La contre démocratie — La politique à l'âge de la défiance, Seuil, Paris.

Santiso, J. (2007) Latin America's political economy of the possible. Beyong good revolutionaries and free marketers, Cambridge, MIT Press.

Schmitter, Ph. and A. Trechesel (2005) *The Future of Democracy in Europe: Trends, Analyses and Reforms*, A green paper for the Council of Europe, Council of Europe Publishing.

Shonfield, A. (1965) Modern Capitalism, the Changing Balance of Public and Private Power, Oxford, Oxford University Press.

Tachibanaki, T. (2005) *Confronting Income Inequality in Japan*, MIT press, Cambridge.

Thelen K. (2003) «How Institutions Evolve: Insights from Comparative Historical Analysis», In Mahoney, J. and Rueschemeyer, D. (eds) *Comparative Historical Analysis in the Social Sciences*, New York, Cambridge University Press, p. 208–240.

Théret, B. (1992) Régimes économiques de l'ordre politique. Esquisse d'une Théorie régulationniste des limites de l'état. Économie en liberté, Puf, Paris.

Théret, B. (1997) L'apport des approches françaises de l'effet sociétal et de la régulation à la méthodologie des comparaisons internationals: l'exemple des systèmes nationaux de protection sociale. In *L'Année de la Régulation 1997* (vol. 1), La Découverte, Paris, p. 163–228.

Théret, B. (1999) L'effectivité de la politique économique: de l'autopoïèse des systèmes sociaux à la topologie du social. In *L'Année de la Régulation 1999* (vol. 3), La Découverte, Paris, p. 127–167.

Tilly, Ch. (2007) *Democracy*, Cambridge University Press, New-York.

World Bank (1993) The East Asian Miracle: Economic Growth and Public Policy, World Bank, Washington DC.

World Bank (1996) *From Plan to Market,* Development report, World Bank, Washington DC.

World Bank (2002) *Building Institutions for Markets,* Development report, World Bank, Washington DC.

World Bank (2006) *Equity and Development,* Development report, World Bank, Washington DC.

Wolf, C. Jr. (1990) Markets or governments: Choosing between imperfect alternatives. MIT Press, Cambridge.

Yamaguchi, J. (2005) «The politics of risk allocation. Why is socialization of risks difficult in a risk society», *CSGR WP* n° 172/05, August.

Yamaguchi, J. (2007) «Political fragility in Japan and the resignation of Abe Shinzo: Is Japanese democracy going backwards?», Japan Focus, November 19th, Http: //Japanfocus.org/products/details/25–85.

Yamaguchi, J. and Miyamoto Ogawa (eds.) (2005) *Challenge for civil social democracy*, Nihon Keizai Hyoronsha, Tokyo.